

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ТОЛСТОВ

(К 60-летию со дня рождения)

25 января 1967 г. научная общественность отмечает 60-летие Сергея Павловича Толстова, члена-корреспондента АН СССР, выдающегося ученого-этнографа, археолога, историка-востоковеда.

Этнографией С. П. Толстов увлекался с юности, поэтому, поступив в 1923 г. на физико-математический факультет Московского университета, он стал изучать этнографию, антропологию и первобытную археологию на кафедре антропологии, созданной Д. Н. Анучиным. Его руководителями были в те годы Б. А. Куфтин, В. В. Бунак и Б. С. Жуков, ученики и последователи Анучина. Практически осуществляя в своей научной деятельности основные принципы анучинской школы, Б. А. Куфтин и Б. С. Жуков организовали несколько комплексных археолого-этнографических экспедиций. С. П. Толстов в годы студенчества принимал участие в Антропологической комплексной экспедиции (АКЭ) МГУ, работавшей под руководством Б. С. Жукова с 1925 по 1929 г., сперва в пределах Ветлужского края, затем охватившей всю Горьковскую область и смежные районы Поволжья. С. П. Толстов, возглавлявший этнографический отряд этой экспедиции, первые годы своей научной деятельности посвятил изучению этнографии русского населения Ветлужского края и национальных меньшинств Горьковской области, распространив потом свои исследования на территорию всей Центрально-промышленной области. Он проводил работу среди горных и луговых марийцев, горьковской мордвы (эрзи и обрусевших терюхан), татар-мишарей, касимовских татар, тверских карел. В то же время он принимал участие в больших археологических работах, предпринятых Б. С. Жуковым в этих же районах — в частности, в раскопках костеносных городищ Поветлужья, мордовских могильников и др. В 1927 г. в журнале «Этнография» была опубликована первая научная статья С. П. Толстова «Русские крестьянские постройки», в которой он критиковал прежние классификации русского народного жилища и предлагал новую типологию, основанную на оригинальных собранных им полевых материалах. Несколько позднее появились работы С. П. Толстого по этнографии народов Центрально-промышленной области. Итоги этнографического изучения этих народов были частично подведены в брошюре «Нацмены ЦПО». Перечисленные работы, критически заостренные против реакционных концепций буржуазной этнографии, пронизанные историзмом и комплексным «анучинским» подходом к изучаемым явлениям, не утратили своего значения до наших дней, хотя и были написаны 40 лет назад. Одновременно с учебой в университете С. П. Толстов работал в музеях: с 1926 г. — заведовал этнологическим отделом в Московском областном музее, директором которого был в то время видный русский этнограф, также ученик Д. Н. Анучина, В. В. Богданов; с 1929 г. — в отделе народов Поволжья Музея народоведения, где занимался изучением тюркско-татарского населения Поволжья.

В 1929 г. Сергей Павлович участвовал в организации Первого этнографического совещания, на котором выступил в качестве одного из основных докладчиков.

В эти же годы он принимал деятельное участие в организации краеведческого движения, был председателем студенческой секции Центрального Бюро краеведения, опубликовал несколько работ по методике краеведческой работы.

В 1929 г. С. П. Толстов перешел на историко-этнологический факультет и в 1930 г. закончил МГУ.

Вскоре научные интересы С. П. Толстова сосредоточились преимущественно на этнографии и археологии Средней Азии, где он с 1929 г. начинает полевые экспедиционные работы. В Центральном музее народоведения (позднее музей народов СССР) научная деятельность Сергея Павловича была сосредоточена в отделе Средней Азии. В 1934 г. С. П. Толстов закончил аспирантуру в Государственной академии истории

материальной культуры (Ленинград) по специальности «история и археология Средней Азии». После окончания аспирантуры он вернулся в Москву и стал работать в Московском отделении Института истории материальной культуры АН СССР — сначала ученым секретарем, а затем заведующим отделением. Когда в 1937 г. на Историческом факультете МГУ была открыта кафедра этнографии, С. П. Толстов был назначен ее заведующим. В 1943—1945 гг. он был также деканом Исторического факультета. В лекциях по этнографии, которые С. П. Толстов читал и в предвоенные годы, и после войны (до 1952 г.) ярко выявились его огромные знания, широкая эрудиция и блестящий педагогический талант; большинство молодых этнографов СССР являются его учениками. Стенограммы курса «Общей этнографии», читавшегося С. П. Толстовым, сыграли значительную роль в подготовке программ по этнографии и в преподавании этой науки в вузах нашей страны, а также были использованы при подготовке многих томов таких обобщающих трудов, как «Очерки общей этнографии» и серии «Народы мира». Педагогическую деятельность в МГУ С. П. Толстов совмещал с работой в Хорезмской археологической экспедиции, организатором и бессменным руководителем которой он является на протяжении почти 30 лет (с 1937 г.).

В Великую Отечественную войну (в 1941—1942 г.) С. П. Толстов стал бойцом парадного ополчения, офицером артиллерийской разведки, и участвовал в боях под Ельней и Можайском. Во время битвы под Москвой он был тяжело ранен. После демобилизации С. П. Толстов вернулся на работу в Академию наук СССР, в 1942 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Древний Хорезм» и в декабре того же года был назначен директором Института этнографии АН СССР. С 1949 по 1954 г. он совмещал работу в Институте с должностью ученого секретаря Президиума АН СССР, а с 1946 по 1966 г. был главным редактором журнала «Советская этнография». В 1953 г. С. П. Толстов был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Научные заслуги С. П. Толстова отмечаются не только в нашей стране, но и за рубежом: он избран членом-корреспондентом АН ГДР, вице-президентом Международного союза антропологических и этнографических наук, почетным членом Итальянского ин-та Среднего и Дальнего Востока, Парижского азиатского и антропологического обществ, Королевского антропологического ин-та Великобритании и Ирландии, археологического департамента Индии, членом-корреспондентом школы Восточных и Африканских исследований Лондонского университета.

Заслуги С. П. Толстова в развитии советской науки высоко оценены советским правительством. Он награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак почета» и медалями Советского Союза.

С. П. Толстов — автор около 300 научных трудов, освещающих различные вопросы истории, археологии и этнографии Средней Азии и общие вопросы востоковедения. В числе этих работ широко известны монографии «Древний Хорезм» (1948 г.), «По следам древнехорезмийской цивилизации» (1948), «По древним дельтам Окса и Яксарта» (1962 г.).

Характерной чертой всей научной деятельности С. П. Толстова является сочетание общей этнографической проблематики с разработкой региональных историко-археологических вопросов, связанных преимущественно со Средней Азией. Его исследовательская, педагогическая, общественная и организационно-административная работа имела огромное значение для развития этнографии в нашей стране, в качестве самостоятельной исторической науки, а также для расширения и укрепления ее связей с другими общественными и естественными дисциплинами — археологией, языкознанием, антропологией, географией и т. д. Сергей Павлович, выступая на торжественном заседании, посвященном его 50-летию и 30-летию научной деятельности, очень хорошо определил основное направление своей работы: «Этнография, — сказал он, — наука историческая, но она вместе с тем тесно переплетается с филологией — через фольклор, с географией — через этническую географию, с биологией — через антропологию. Это делает ее очень сложной, но именно, поэтому чрезвычайно интересной. Меня нередко называют историком, археологом, востоковедом и в последнюю очередь этнографом. На деле я именно этнограф (а следовательно, и историк, так как этнография это раздел истории), старающийся продолжать развитие анучинского направления в нашей увлекательной, исключительно перспективной науке»¹.

Рассматривая этнографию как историческую науку, С. П. Толстов очень большое значение придает относительной и абсолютной датировке этнографических явлений. Одним из самых крупных пороков буржуазной этнографии он справедливо считает игнорирование хронологической датировки. Именно для получения такой датировки этнограф должен, кроме собственно этнографических материалов, привлекать материалы других общественных и даже естественных наук, помогающих путем косвенных данных отнести изучаемые явления к определенным периодам истории человечества. Так, например, такие кардинальные мировоззренческие проблемы как вопросы происхождения

¹ Н. Лобачева, К юбилею С. П. Толстова, «Сов. этнография», 1957, № 4, стр. 164—166.

самого человека, человеческого общества, его хозяйства и культуры могут быть правильно поставлены и разрешены только в процессе комплексного анализа антропологических, геологических, археологических, лингвистических и собственно этнографических данных с обязательным учетом их относительной и абсолютной датировки². Останавливаясь во многих своих работах на проблемах истории первобытного общества, С. П. Толстов всегда выступал против попыток ревизии концепции Л. Г. Морган, Ф. Энгельса о материнском роде как основе социальной организации всего человечества на заре его исторического развития. Полемизируя с критиками Л. Морган и Ф. Энгельса, С. П. Толстов наряду с другими советскими учеными считает, что именно недооценка хронологии приводит к тому, что некоторые явления, огмеченные у отсталых народов (например отцовский род и патриархальные отношения у австралийцев или американских индейцев), принимаемые некоторыми исследователями за изначальные, в действительности являются очень поздними, возникшими под непосредственным или косвенным влиянием европейских колонизаторов³. Подобно этому многие особенности хозяйства, общественного строя и культуры народов Сибири, такие, например, как оленеводство, широкое распространение патриархальных институтов, еще недавно считавшиеся очень древними, в действительности оказались поздними, возникшими, возможно, под влиянием живших южнее народов Центральной Азии. Вполне прав С. П. Толстов, когда он пишет: «Насколько зыбки некоторые широко распространенные этнографические «теории», последователи которых не учитывают элемента абсолютной хронологии и не исследуют (прежде чем делать общеобязательный вывод) историю конкретных бесписьменных народов»⁴.

Для всех исследовательских работ С. П. Толстого характерен наряду с историзмом тщательный анализ изучаемых явлений, на основании материалов разного рода: собственно этнографических, добытых путем непосредственного наблюдения культуры и быта разных народов, археологических, лингвистических, «исторических» в узком смысле слова, то есть зафиксированных в письменных памятниках, антропологических, географических и других. Комплексное использование различных источников проходит красной нитью как через капитальные труды С. П. Толстого вроде книги «Древний Хорезм», так и через его статьи, посвященные общим и частным вопросам этногенеза и истории культуры⁵. В этом отношении очень показательна его статья 1961 г. «Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии», а также доклад «Основные теоретические проблемы современной советской этнографии», прочитанный на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов в Париже (1960 г.)

Борясь за последовательный историзм в этнографии и за методику комплексных исследований, С. П. Толстов вместе с тем всегда решительно выступает против нигилистического отношения к нашей науке, против отрицания ее права на самостоятельное существование⁶. В очень многих своих работах С. П. Толстов убедительно показал, что использование этнографических материалов и применение этнографических методов совершенно необходимо для решения наиболее важных общен исторических проблем. Наиболее полно свои взгляды на эти вопросы он изложил в только что упомянутой статье о проблемах всемирной истории в свете данных исторической этнографии.

Развивая лучшие традиции аучинской школы, С. П. Толстов значительно расширил и углубил ее знаменитую «триаду» (этнография, физическая антропология и «доисторическая археология»). Когда в СССР оживилась исследовательская работа в области конкретной социологии, С. П. Толстов стал одним из инициаторов создания социологической ассоциации. Таким образом, тройной аучинский комплекс вступил в тесное взаимодействие еще с одной общественной наукой, которая во всем мире приобретает в последнее время все большее и большее значение. Советские этнографы те-

² С. П. Толстов, Основные теоретические проблемы современной этнографии, «Сов. этнография», 1960, № 6, стр. 10—23; его же, Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии, «Вопросы истории», 1961, № 11, стр. 107—118.

³ С. П. Толстов, Этнография и современность, «Сов. этнография», 1964, № 1, стр. 3—11; его же, Советская школа в этнографии, «Сов. этнография», 1947, № 4, стр. 8—28; его же, Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии, стр. 108—112.

⁴ С. П. Толстов, Основные теоретические проблемы современной этнографии, стр. 17.

⁵ См. работы, указанные в примеч. 1—4, а также: С. П. Толстов, В. И. Ленин и актуальные проблемы этнографии, «Сов. этнография», 1949, № 1, стр. 3—17; его же, Итоги перестройки работы Института этнографии АН СССР, «Сов. этнография», 1951, № 3, стр. 3—14; его же, Н. Н. Миклухо-Маклай, «Сов. этнография», 1953, № 2, стр. 3—9; его же, Сорок лет советской этнографии, «Сов. этнография», 1957, № 5, стр. 31—55.

⁶ С. П. Толстов, Итоги перестройки работы Института этнографии АН СССР.

перь укрепляют свои связи с социологами и овладевают социологическими методами исследования, в которых большая роль принадлежит количественным, статистическим приемам оценки собранных материалов. Ярким выражением этого крепнущего союза этнографии и социологии явилось активное участие советских этнографов в VI Международном социологическом конгрессе в Эвиане (Франция) в сентябре 1966 г.⁷ Следует особо подчеркнуть, что развитие связей между этнографами и социологами логически вытекает из того понимания этнографической науки, за которое последовательно боролся С. П. Толстов с самого начала его научной деятельности. «Советский этнограф», — писал С. П. Толстов в программной статье 1946 г. — к какой бы национальности он ни принадлежал, прежде всего активный участник культурной жизни и строительства того народа, изучению которого он себя посвятил. Он такой же гражданин Советской Родины, как и те, над наследством культуры которых он работает; они вместе строят одну и ту же социалистическую советскую культуру, в какие бы национальные формы она ни выливалась⁸. В полном соответствии с таким пониманием своей науки этнографы в наши дни в центре своей исследовательской работы ставят всестороннее изучение современной культуры и быта народов СССР.

С изучением социалистической современности связаны и исследования в этнографическом аспекте таких тем, как развитие наций и народностей в СССР, особенности этнических процессов в разных регионах страны и на разных этапах истории социалистического строительства, а также изучение проблемы национальных народных традиций. С. П. Толстов был одним из инициаторов и научным организатором в период создания этих новых важнейших, практически актуальных направлений советской этнографии; в дальнейшем он настаивал на том, чтобы научно-исследовательские задачи в области этнографии современности все более углублялись и усложнялись, чтобы этнографы переходили к теоретическим обобщениям от фиксации и анализа процессов, происходящих в отдельных регионах.

Под руководством С. П. Толстова и с его личным участием Институт этнографии подготовил и издал капитальную многотомную серию этнографических очерков — «Народы мира», где в отличие от всех прежних трудов такого типа широко освещены современный образ жизни, культура и быт всех народов земного шара.

* * *

В короткой статье трудно даже просто перечислить те теоретические историко-этнографические проблемы, в разработке которых принимал непосредственное участие С. П. Толстов. Выше уже отмечалось большое внимание С. П. Толстова к проблемам истории первобытного общества.

Одним из первых в советской науке он поставил вопрос о необходимости отказаться от догматического подхода к наследию Моргана и уточнить его выводы на основании новых данных. В этом плане особенно большое значение имело отношение к созданной Морганом периодизации истории первобытного общества, некогда впервые внесшей научную систему в предысторию человечества, но в свете этнографических и археологических фактов, накопленных с конца XIX в., оказавшейся в значительной мере устаревшей.

В 1946 г., справедливо отметив в своей статье «К вопросу о периодизации истории первобытного общества», что «канонизация устаревших мест и ошибок в периодизации Моргана на руку только противникам его теории», С. П. Толстов предложил новую схему членения первобытной истории — на эпохи первобытного стада, первобытной общины (материнского рода) и военной демократии. В этой периодизации, в отличие от моргановской, выделены два главных рубежа исторического процесса первобытности, ограничивающие период расцвета первобытно-общинного строя (первобытная община) от периодов его становления (человеческое стадо) и распада (военная демократия).

В последующие годы советскими историками было предложено несколько других вариантов периодизации, отличающихся главным образом наименованием отдельных периодов. Однако во всех этих вариантах сохранено обоснованное С. П. Толстовым трехчленное деление первобытной истории, явившееся важным шагом в творческом развитии марксистской науки о первобытном обществе.

Глубоко интересуясь проблемами первобытной истории, С. П. Толстов внес ценный вклад в изучение особенностей важнейших этапов родового общества. Особое внимание он уделил проблеме дуально-родовой организации как первой универсальной формы родового общества, отложившей глубокий отпечаток на все мировоззрение и психологию людей этого общества.

Видя в дуальной организации реальные корни имеющего универсальное распространение близнечного мифа, С. П. Толстов прослеживает стадии его развития от его истоков до проявления в дуалистических религиях древнего мира.

⁷ Ю. П. Аверкиева, На XVIII Международном конгрессе психологов и VI Международном конгрессе социологов (впечатления этнографа), «Сов. этнография», 1967, № 1.

⁸ С. П. Толстов, Этнография и современность, стр. 7.

С. П. Толстов внес также большой вклад в разработку проблемы тотемизма. Определяя тотемизм как идеологию родового общества, он видит его зарождение в верхнем палеолите. Наиболее ранней стадией этой идеологии С. П. Толстов справедливо считает половой тотемизм. Критикуя вульгарно-экономическое объяснение тотемизма В. Гребнера и В. Шмидта разделением труда между общинами, Сергей Павлович дает материалистическое объяснение этого явления. Он видит в нем форму «осознания связи коллектива, его единства, его противоположности другим коллективам на том этапе общества, когда кровное родство в собственном смысле, генеалогическая общность коллектива не могла еще быть осознана в силу отсутствия неременной предпосылки для осознания кровной связи — парной семьи»⁹.

Обобщив обширные данные о тотемизме у различных народов мира, С. П. Толстов выявил три этапа развития тотемистических представлений: отождествление коллектива с определенным родом предметов; представление о тотеме как родственнике и вместе с тем начало осознания кровного родства; осознание тотема как предка и вместе с тем переход к культуре предков.

Эти обобщения С. П. Толстова, как и многие другие, явились существенным вкладом в разработку проблем истории первобытного общества.

Большая заслуга принадлежит С. П. Толстову в создании учения о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях, которое получило дальнейшее развитие в трудах многих советских этнографов, в особенности М. Г. Левина, С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова. Еще в одной из своих ранних работ «Очерки первоначального ислама» С. П. Толстов сформулировал понятие о хозяйственно-культурных типах и предпринял первую попытку наметить их историко-этнографическое соотношение. Более развернуто эти вопросы были изложены им в курсе общей этнографии, читавшемся на протяжении многих лет на Историческом факультете МГУ.

В первом выпуске «Очерков общей этнографии» есть специальная глава «Понятие о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях», подготовленная в значительной степени на базе этих материалов.

К пониманию хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей как исторических категорий С. П. Толстов пришел в процессе критики буржуазной этнографии, для которой очень характерно отрицание социально-экономической обусловленности сходства и различия в культуре отдельных народов. «Советской этнографии,— писал С. П. Толстов в 1946 г.,— чуждо понятие «культуры» как абстрагированной от народа и его живой истории, самодовлеющей категории, живущей своими законами, особыми от законов общественного развития. Нам чуждо понятие «культурного круга» как некоего самодовлеющего единства, подлежащего изучению в отрыве от конкретной культуры отдельных народов».

Вместе с тем, «мы признаем правомерность выделения определенных хозяйственно-культурных зон, обусловленных различием в естественных производительных силах отдельных территорий, налагающих отпечаток на облик культуры населяющих эти зоны народов... Мы признаем и конкретное историческое понятие культурной области или провинции, выражающейся в культурном сближении народов определенной территории, хотя бы и различного происхождения, в результате общности исторических судеб, длительного соседства и общения... Но и хозяйственно-культурную зону и историко-культурную область мы должны рассматривать неизменно как историческую, динамичную категорию, меняющуюся в процессе исторического развития»¹⁰.

В сущности говоря, издание многотомника «Народы мира» построено по принципу выделения крупнейших историко-этнографических провинций, таких, как Европейская часть СССР, Кавказ, Средняя Азия и Казахстан, Сибирь, Передняя, Южная, Восточная и Юго-восточная Азия.

Очень велик вклад С. П. Толстова в разработку общих и частных проблем этногенеза и этнической истории. Почти все его капитальные труды, посвященные истории, археологии и этнографии Средней Азии и соседних территорий, носят этногенетический и историко-культурный характер. Но и в других работах С. П. Толстова вопросы происхождения отдельных народов или целых языковых семей занимают видное место. До настоящего времени не потеряла своего научного интереса высказанная С. П. Толстовым еще в 1946 г. гипотеза о существовании двух основных обширных ареалов развития языковых семей мира: юго-западного или атланти-индоокеанского и северо-восточного или тихоокеанского, выделяющихся путем анализа синтаксического строя языков мира. Индо-европейская семья занимает, по-видимому, переходное положение между этими двумя ареалами¹¹.

⁹ С. П. Толстов, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10, стр. 26.

¹⁰ С. П. Толстов, Этнография и современность, стр. 8.

¹¹ С. П. Толстов, Проблема происхождения индоевропейцев и современная этнография и этнографическая лингвистика, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», I, 1946, стр. 3—13.

Определенный интерес для сложных проблем происхождения народов Восточной и Центральной Европы, в частности славян, представляет также оригинальная историко-этнографическая работа С. П. Толстова «„Нарцы“ и „Волхи“ на Дунае», в которой автор, базируясь на анализе летописного известия о нарцах и волхах, развивает мысль о значительном участии в этногенезе славян иллиро-фракийских и даже кельтских племен Дунайского бассейна¹².

Говоря об этногенетических работах С. П. Толстова, нельзя пройти мимо его концепций, касающихся происхождения народов Австралии и Океании. Концепции эти, впервые изложенные в курсе общей этнографии, были использованы при подготовке некоторых глав тома «Народы Австралии и Океании», посвященных происхождению коренного населения этой части эйкумены. В том же томе помещена оригинальная карта-схема С. П. Толстова, дающая наглядное представление о взглядах автора на области формирования и дальнейшего расселения расовых групп и языковых семей Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании¹³.

* * *

Выше мы отмечали, что уже в студенческие годы и особенно в годы аспирантуры основные научные интересы С. П. Толстова сосредоточились на проблемах востоковедения и, в частности, истории и этнографии Средней Азии. Этой тематике посвящено более половины его трудов, написанных за 40 лет научной деятельности. В 1929 г. он впервые поехал в Хорезм, участвуя в экспедиции РАНИОН, проводившей комплексные исследования в Ташаузской области Туркменской ССР. С. П. Толстов в составе экспедиции занимался этнографическим изучением куня-ургенческих туркмен-иоумудов, их родоплеменного состава и материальной культуры. Материалы этих полевых работ послужили основой для интересного исследования, опубликованного в 1935 г., о пережитках тотемизма и дуальной организации у туркмен, а также для оставшейся неопубликованной, написанной в соавторстве с Г. И. Карповым монографии, посвященной описанию и анализу родоплеменной структуры туркмен. В то же время С. П. Толстов с увлечением занимался исследованием проблем ислама и доисламских верований народов Средней Азии, посвятив этой теме несколько статей; одну из них «Религии народов Средней Азии» он написал для двухтомного сборника этнографических материалов «Религиозные верования народов СССР», подготовленного коллективом Центрального музея народоведения под редакцией В. К. Никольского.

Время пребывания С. П. Толстова в аспирантуре совпало с тем периодом истории советской этнографии, когда одной из центральных ее задач становится изучение пережитков общинно-родового уклада, конкретных форм сочетания патриархальных и феодальных или полуфеодальных отношений, сохранявшихся еще в 1930-х гг. у значительной части народов Средней Азии, Сибири, Кавказа. Разработка этой темы была чрезвычайно актуальной, поскольку в некоторых республиках в период коллективизации националисты пытались заглушить классовую борьбу пропагандой взглядов на пережитки родового строя, как на «зародыш социализма». Сергей Павлович, наряду с другими историками и этнографами (П. И. Кушнером, А. Н. Бернштамом, Л. П. Потаповым, С. А. Токаревым, Н. П. Никульшиным и др.) принял участие в идеологической борьбе с этими «теориями», он усиленно работал над изучением истории общественного строя кочевников и неоднократно выступал в дискуссиях по вопросу о характере социально-экономического строя у народов Востока. В частности, в 1933 г., на пленуме ГАИМК, посвященном основным проблемам генезиса и развития феодального общества, С. П. Толстов выступил с интересным докладом «Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах», в котором опровергал пресловутую «теорию» бесклассового родового строя у кочевников, якобы сохранившегося у них до начала XX в. вследствие специфики кочевых хозяйств. В этом докладе использован, наряду с другими источниками, обширный этнографический материал по туркменам, казахам, киргизам и другим народам Средней Азии. Полемизируя с алаш-ордынскими «теоретиками» по поводу их утверждений о «врастании рода в социализм», он очень убедительно аргументировал на среднеазиатском материале свой тезис о том, что «облачение феодальной ренты в традиционную мистическую оболочку «родовой взаимопомощи» обуславливает крепость и устойчивость родовых пережитков в условиях вполне сложившегося феодального общества», и что «род» у кочевников и полукочевников в этих исторических условиях «скрывает внутри себя глубоко развитые antagonистические отношения». Проблема социального строя народов Востока глубоко захватила и увлекла в этот период С. П. Толстова и в основном поэтому он в поисках новых достоверных

¹² С. П. Толстов, «Нарцы» и «Волхи» на Дунае, «Сов. этнография», 1948, № 2, стр. 8—38.

¹³ «Народы Австралии и Океании», под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова, «Народы мира. Этнографические очерки», М., 1956, главы 2, 5, 12, 27 и карта на стр. 368—369.

исторических источников обратился к археологии Средней Азии. Именно эта проблема была первой и главной темой развернувшихся с 1937 г. изысканий Хорезмской археологической экспедиции, открывшей уникальные памятники могущественного древнего рабовладельческого государства в песках пустыни Кызылкум. В предисловии к «Древнему Хорезму» он пишет о том, как исторические исследования, в частности «Тирания Абрюя» привели его в Хорезм, одну из древнейших культурных областей нашей страны. Он был глубоко убежден, что скрытые в песчаных барханах руины, мощные пресохшие ирригационные системы и другие памятники древнего Хорезма имеют не меньшее значение для решения волновавших его научных проблем, чем письменные источники.

Поразительно много было сделано за четыре предвоенных года работ Хорезмской экспедиции. В окружающих оазис песках исследователи, передвигавшиеся тогда пешком или на верблюдах, открыли десятки древних памятников — города, крепости, усадьбы. Были проведены значительные раскопки, в процессе которых вырабатывалась методика исследования своеобразных среднеазиатских развалин. Параллельно с накоплением новых данных шло их научное осмысление. Хорошая археологическая подготовка С. П. Толстова и его удивительная интуиция позволили быстро и безошибочно ориентироваться в море нового материала. Предложенная в те годы классификация археологических культур Хорезма, охватывающая период от неолита до средневековья, выдержала испытание временем и потребовала впоследствии лишь незначительных дополнений и уточнений. Благодаря огромной этнографической эрудиции С. П. Толстов смог убедительно реконструировать некоторые особенности быта и социальной организации древних хорезмийцев, основываясь на изучении планировки их поселений в жилищ и на других археологических материалах. Наконец, он сразу указал, что сохранившиеся следы искусственной ирригации — основы жизни земледельческих цивилизаций Востока — очень важны для суждения о социально-экономической истории страны.

Успешно начатые работы прервала война.

Итоги довоенного цикла изысканий Хорезмской экспедиции, обобщенные С. П. Толстовым, были опубликованы только в 1948 г. — в монографии «Древний Хорезм», удостоенной Государственной премии первой степени. Помимо блестяще написанного очерка политической, социально-экономической и археологической истории Хорезма этот труд содержит ряд экскурсов, посвященных узловым проблемам истории и культуры Средней Азии в целом. Ряд теоретических положений и гипотез, выдвинутых в монографии, послужил отправной точкой для работ многих исследователей. Нет сомнения, что к ней будет обращаться еще не одно поколение ученых.

После войны возглавляемая С. П. Толстовым экспедиция возобновила свои работы, став теперь комплексной археолого-этнографической. В комплексе ее научного плана отразилось стремление использовать этнографические исследования для наиболее полного воссоздания этнической истории и истории культуры тех народов, которые населяют сейчас Хорезмский оазис и, в то же время, желание поставить результаты научных изысканий экспедиции на службу социалистического строительства сегодняшнего дня. Свойственное большим ученым умение работать на стыке разных наук, нашло выражение также в цикле исследований Хорезмской экспедиции по истории формирования и заселения русел Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Проведенные в сотрудничестве с географами и геоморфологами работы позволили в значительной мере решить проблему Узбоя, волновавшую многих ученых, опровергнуть тезис о необратимом усыхании земель древнего орошения Средней Азии. Широкие исследования древней ирригации не только весомо подтвердили гипотезу о рабовладении в Хорезме, но позволили передать проектировщикам новых оросительных систем важные сведения об огромных пустующих массивах земель, некогда орошаемых. Хорезмская экспедиция продолжает работы в этом направлении, некоторые итоги их подведены в коллективной монографии «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой» и в монографии С. П. Толстова «По древним дельтам Окса и Яксарта», вышедшей в 1962 г.

Огромную работу проделал Сергей Павлович, продолжая начатые до войны исследования по истории и культуре Хорезма. Руководимые им раскопки ведутся в большом масштабе, исследованы многие первобытные стоянки, поля и поселения древнейших земледельцев, крепости, усадьбы, дворцы эпохи рабовладения, средневековые замки и города. Был полностью раскопан огромный храм-мавзолеев, связанный с астральными культами — развалины Кой-Крылган-кала (IV в. до н. э. — III в. н. э.). Результаты этих работ, имеющие большое значение для истории культуры и религии Средней Азии, изложены в подготовленной под руководством Сергея Павловича коллективной монографии, которая сдана в печать. Большую известность, благодаря работам С. П. Толстова, приобрели замечательные росписи и скульптуры первых веков н. э., обнаруженные при раскопках дворца царей Хорезма на городище Топрак-кала. Огромное научное значение имело открытие здесь архива древних документов. Достаточно сказать, что в них, как показал Сергей Павлович, неоднократно упомянуто слово «раб» (отметим, что недавно такое прочтение соответствующего слова поддержал авторитетнейший английский иранист В. Б. Хеннинг). Раскопки на городище Топрак-кала

недавно возобновлены в связи с предстоящей полной публикацией этого замечательного памятника.

С. П. Толстов неоднократно подчеркивал, что историю земледельческих государств Средней Азии необходимо рассматривать в неразрывной связи с историей кочевых и полукочевых народов, окружавших оазисы. За последние годы Хорезмская экспедиция развернула интенсивные исследования археологических памятников, оставленных среднеазиатскими скифами — саками.

Великолепные материалы, вызвавшие огромный интерес у многих археологов, занимающихся скифским миром, были обнаружены при раскопках мавзолеев и курганов на возвышенностях Тагискен и Уйгарак в древней Сырдарьинской дельте. С. П. Толстов уже опубликовал ряд важных работ, посвященных проблемам происхождения саков, их социальному и экономическому строю, культуре. Нет сомнения, что будут продолжены изыскания и в этом направлении.

Маршрутные исследования Хорезмской экспедиции охватили огромные площади пустынь Приаралья и Прикаспия. При стационарных раскопках были раскрыты сотни помещений на многих исторических памятниках. Это стало возможно лишь благодаря техническому перевооружению экспедиции. Отметим, в частности, что С. П. Толстов первым из исследователей-археологов широко привлек на помощь археологию авиацию.

Однако С. П. Толстов и в своих изысканиях послевоенного периода не ограничивается историко-археологической тематикой. Вопросы этнографии Средней Азии его по-прежнему глубоко интересуют и волнуют. Можно смело сказать, что нет такой темы, такого вопроса среднеазиатской этнографии, где бы современный исследователь мог обойти труды С. П. Толстова, не коснувшись каких-либо его статей и книг, докладов, лекций или выступлений в дискуссиях. Этнографы Средней Азии с огромным вниманием относятся и к трудам Сергея Павловича, даже на первый взгляд «чисто» археологическим: без них трудно обойтись, так как они всегда насыщены богатейшими материалами, построениями, сопоставлениями, в которых проявляется подход к постановке и решению проблем ученого этнографа, глубокого знатока быта, верований, культурного наследия народов Средней Азии. Эти труды расширяют кругозор, помогают отходить от этнографического «описательства», заставляют ставить перед собой интересные задачи, искать новые источники, новые пути для разработки вопросов этнографии Средней Азии, поддерживая связь с научными смежными научными дисциплинами. Ярким примером работ такого типа может послужить очерк «Путь корибантов (Арханческие элементы в общественном строе дофеодальной Средней Азии)», дополняющий в виде экскурса (III) труд С. П. Толстова «Древний Хорезм».

В этой оригинальной работе, с присущей автору широтой в использовании исторических, этнографических, археологических и лингвистических материалов, С. П. Толстов исследует реликты родового строя и его архаических институтов в Средней Азии и Иране в эпоху становления феодализма, их влияние на общественные движения V—XI вв., возрождавшие традиционные формы тайных союзов — института, характерного для стадии разложения родового строя. Самостоятельное значение в данной работе приобретает изучение связанных с этим вопросом явлений религиозной идеологии. Оно перерастает во всестороннее и глубокое исследование эволюции средне- и переднеазиатских религий и религиозных течений, начиная с наиболее ранних ее стадий, связанных с дуальной организацией и тотемизмом. «Путь корибантов» с его разносторонним анализом среднеазиатского этнографического материала, стал стимулом для целого ряда новейших исследований советских этнографов — по истории общественной жизни и пережиткам общины в городах Средней Азии (О. А. Сухарева), по пережиткам древних «мужских союзов» и «мужских домов» (Г. П. Снесарев), по реликтам системы возрастных классов у народов Средней Азии (К. Л. Задыхина), по домусульманским верованиям и пережиткам зороастризма (Ю. А. Рапопорт, Г. П. Снесарев), по историко-этнографическому анализу произведений среднеазиатского эпоса (Т. А. Жданко и др.) и т. д.

Не меньшее значение имеют труды С. П. Толстова в области этногенеза народов Средней Азии и их этнической истории. Помимо специальных работ, посвященных этой проблеме («Аральский узел этногонического процесса»; «Основные вопросы этногенеза народов Средней Азии»; «Огузы, печенеги, море Даукара», «К вопросу о происхождении каракалпакского народа» и др.), большое внимание уделяется этногенезу и во всех его археологических трудах — таких, как книги «По следам древнехорезмийской цивилизации», «По древним дельтам Окса и Яксара», как статьи «Города гузов», «История Сарыкамышского озера в средние века», «Приаральские скифы и Хорезм» и др. Под руководством и с участием С. П. Толстова написан «Очерк этнической истории Средней Азии и Казахстана» в 1-й книге Среднеазиатского тома серии «Народы мира», представляющий по существу, первый труд, обобщающий новейшие исследования по этой теме, охватывая народы всей обширной среднеазиатской историко-этнографической области в целом. Основные заключения С. П. Толстова о древнейших и средневековых этапах этногенеза народов Средней Азии стали общепринятыми и прочно вошли в науку, хотя, разумеется, каждое новое археологическое, историческое и этнографическое открытие вносит уточнения и детали в разработку этой сложной проблемы.

Очень актуальное значение имеют сейчас и те работы С. П. Толстова, где он излагает свои концепции по проблеме кочевников и полукочевников Средней Азии — их взаимоотношения с оседло-земледельческим населением оазисов, связь их с городами, их историческую роль в экономической и культурной жизни страны. Особенно детально разработана эта тема в упоминавшейся статье «Города гузов».

С. П. Толстов стал давно уже общепризнанным научным руководителем всего широкого фронта среднеазиатской этнографии. Так, в послевоенные годы он возглавляет среднеазиатские совещания археологов и этнографов, руководит авторскими коллективами таких крупных обобщающих трудов, в которых участвуют среднеазиатские ученые, как среднеазиатские тома «Народов мира», «Среднеазиатский историко-этнографический атлас» и другие. Он пользуется большим авторитетом в республиках Средней Азии и в Казахстане, принимая участие в научной жизни не только этнографов и археологов, но также историков и востоковедов. Член редколлегии и авторского коллектива «Истории Узбекистана», руководитель и редактор первого тома «Очерков истории Каракалпакии», он связан и с Институтом востоковедения Академии наук Узбекской ССР, участвуя в подготовке издания трудов великого хорезмского ученого XI в. Ал-Бируни. С. П. Толстову присуждены звания заслуженного деятеля науки Узбекской ССР, Таджикской ССР, Каракалпакской АССР, в 1956 г. он был избран почетным академиком АН Узбекской ССР. Некоторые из его трудов переведены на среднеазиатские языки.

Научная деятельность С. П. Толстова, открытия руководимой им Хорезмской экспедиции широко известны за рубежом. Ряд его трудов переведен на иностранные языки. Так, переводы книги «По следам древнехорезмийской цивилизации» вышли в ГДР, Польше, Венгрии, Чехословакии, сокращенный перевод — во Франции. В 1956 г. Сергей Павлович читал лекции о своих археологических исследованиях в Лондонском, Оксфордском и Кембриджском университетах, в Париже и Риме.

Свою научную деятельность С. П. Толстов всегда сочетает с большой и плодотворной работой по подготовке научных кадров историков, археологов, этнографов как в РСФСР, так и в союзных республиках, в особенности в республиках Средней Азии. Он не только помогает своим ученикам овладеть основами науки, но и постоянно показывает своим примером, каким смелым и самоотверженным должен быть настоящий ученый. Каждый его ученик, как и каждый работающий с ним сотрудник, находит в его лице подлинно научного руководителя, требовательного к качеству исследования, остро и строгого критика и вместе с тем чуткого ученого, всегда с огромным интересом и вниманием относящегося к каждой новой творческой мысли, к новому, привезенному из экспедиции материалу, ко всем новым наблюдениям и открытиям в нашей науке.

Коллектив Института этнографии, сотрудники, коллеги, друзья и ученики С. П. Толстова горячо поздравляют его с 60-летием со дня рождения и 40-летием научной деятельности, желают ему здоровья и дальнейших творческих успехов.

Т. А. Жданко, Ю. А. Рапопорт, Н. Н. Чебоксаров
